

СШИБКА РАЗНЫХ МОРАЛЕЙ В ПОЛИТИКЕ (на примере оценок пакта Молотова-Риббентропа)

1. Постановка проблемы

В реальной политике ее участники руководствуются разными соображениями, в ней работают разные логики и моральные установки. В ранее опубликованных работах мной дано теоретическое описание двух «чистых» типов политического мышления - «макиавеллианского» и «кантианского» [1]. Они служат прототипами, исходными моделями поведения политического активиста в поле политики, его оценки и самооценки.

В макиавеллианском дискурсе отправной точкой служат интересы, польза, выгода власти. Соответственно морально одобряются меры и поступки *власти*, которые служат поддержанию государственного единства, стабильного политико-правового порядка, управляемости сверху донизу. В кантианской картине мира высшей ценностью наделяется свободный индивид, сознательно полагающий свой долг в самореализации. Сильнейшей мотивацией гражданской активности является именно моральная мотивация, представление о несправедливости, личном достоинстве, правах человека.

В современной политике оба дискурса (при определенном доминировании макиавеллизма и постепенном усилении кантианских мотивов) «работают» в режиме взаимодополнения [2]. Однако этот вывод может быть неправильно истолкован в духе «мирного сосуществования», если хотя бы на секунду забыть, что главной стихией политики является борьба интересов, конкуренция систем ценностей и правд. В данной статье я намерен проанализировать случай жесткого столкновения, *сшибки* разных моралей в политике.

2. „Правда истории” на службе политики

23 августа 1989 г. по телевидению шла передача, посвященная 50-летию договора между СССР и фашистской Германией. Давал оценку этому договору специалист по проблеме, уважаемый российский историк, ныне академик, а тогда без пяти минут Александр Оганович Чубарьян. Он сказал дословно следующее: „Договор 1939 г. был, возможно, политически целесообразен, но безнравственен, циничен”. Я немедленно записал эти слова, поскольку они показались мне примечательными. У Макиавелли политическая мораль не расходится с политической целесообразностью. И если договор был целесообразен, то и мораль в нем имеется. Другое дело, какова природа этого морализма. У Канта политике предписывается целесообразность следования за моральным императивом. У нашего специалиста в одном предложении

столкнулись оба эти противоположных подхода по формуле “да... но...”. Очевидно, что природа этого высказывания *эклeктическая*.

Итак, перед нами нагляднейший пример сшибки двух подходов в оценке одного и того же политического события – советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. или, иначе, пакта Молотова-Риббентропа. Событие это нерядовое, раз спустя полвека не историки в режиме дискуссии, а II Съезд народных депутатов СССР в режиме голосования давал оценку этому договору.

Справедливости ради следует сказать, что проблема эта воспринималась депутатами как нечто навязанное съезду извне. Как позже вспоминал Ю.Н. Афанасьев: «Большинство делегатов смотрели на этот всплеск историографических штудий как на что-то странное, потенциально опасное и враждебное их интересам: не углубляться в эту проблему, а поскорее избавиться, отмахнуться от нее – было их нескрываемым желанием» [3]. Их

Депутатов можно понять: не депутатское это дело – давать оценки событиям далекого прошлого. В конце концов они оказались правы. Вот что пишет ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Д.Г.Наджафов: «Особым постановлением Съезда народных депутатов СССР 24 декабря 1989 г. все тайные советско-германские договоренности были признаны «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания». После этого уже ничто не могло удержать Прибалтийские страны в составе СССР, а выход их из него послужил еще одним катализатором дальнейшего его распада» [4].

Точнее сказать, прибалты дали толчок к *развалу* советской империи, а до это у нее была тенденция *распада*, с которой и были призваны бороться съехавшиеся в столицу представители «необъятной страны». Им же навязали разборку завалов прошлого с целью выяснения юридической правомерности создания государства с позиций *современного* международного права. Для любого здравомыслящего человека очевидна абстрактность этого умственного упражнения. Ведь тест на юридическую правомерность не выдержит ни одно современное государство, ибо все они созданы экспансией, завоеванием и скреплены кровью. Это и называется Историей.

Народные депутаты оказались правы и в другом: политические собрания не занимаются наукой, они занимаются политикой. Это и была политика, политика при помощи аргумента «правда истории».

Что значит «признать юридически недействительными» советско-германские договоры 1939 года? Ведь они уже встроены в событийный исторический ряд, сыграли свою роль, имели и продолжают иметь последствия, которых отменить или пересмотреть нельзя, если, конечно, вы не обладаете способностью поворачивать время вспять. Никто и ничто не в силах отменить состоявшуюся историю. Ну тогда какой рациональный смысл имело принятие Съездом

народных депутатов СССР этого содержательно бессмысленного постановления?

Смысл был, и он был сугубо политический: требовалось разрешить назревший кризис отношений с прибалтийскими союзными республиками. Именно Балтийская межреспубликанская депутатская группа на I Съезде народных депутатов СССР инициировала создание специальной комиссии под руководством А.Н. Яковлева по политической и правовой оценке пакта Риббентропа-Молотова и потребовала принятия формулировки «признать все секретные протоколы того времени юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания». Жаждавшие выйти из состава союзного государства, прибалтийские республики хотели получить ценнейшее признание от самого Советского Союза в юридической незаконности его действий в 1940-м году, а заодно дезавуировать и действия собственных государственных органов того времени, которые принимали постановления и направляли письма в Верховный Совет СССР с просьбой о включении в состав СССР. В результате они добились того, чего хотели.

Повторяю, рациональный смысл исторических изысканий, предпринятых комиссией Яковлева, был, и его истинными носителями были балтийские депутаты, стремившие обеспечить себе благоприятные политико-юридические условия выхода из состава СССР. А на что рассчитывал «гарант» целостности государства М.С. Горбачев? Из рассказов участников тех событий составилось впечатление, что тактика Горбачева сводилась к банальному стремлению «замылить» вопрос, формально удовлетворить требование депутатов стран Балтии, но принять документ в расплывчатых формулировках. Таким образом, им руководило стремление выработать лжекомпромисс с целью успокоить прибалтов, показать, что им идут навстречу, что «демократический процесс пошел».

Сегодня очевидно, что гасить пожар бензином было бы более разумно, чем принимать в той накаленной обстановке этот документ. Если давать политико-правовую оценку самим участникам этой «акции», то они совершили преступление против Советского государства, которое в 1989 году возглавлялось, заметьте, не «тираном» Сталиным, а «демократом» Горбачевым. Это было преступление не только перед государством. Еще до принятия этого документа газета «Советская Россия» (от 06.07.89) предупреждала: «Признание договора 1939 года противоправным позволяет поставить под сомнение законность пребывания на землях Прибалтики и других западных территориях миллионов советских граждан, переселившихся туда после 1939 года». Так оно и случилось. Миллионы славян превратились в «лиц без гражданства», «граждан второго сорта», «оккупантов».

Историк и писатель, автор книги «Гитлер и Сталин перед схваткой» Л.А. Безыменский пишет в ее предисловии: «Увы, историку печально констатировать, что решающие события в развитии «историографических»

ситуаций происходят совсем не из-за требований исторической науки, а под влиянием так называемой «большой политики». В 1988–89 годы эта большая политика для СССР включала два критических элемента: отношения с Польшей и с Прибалтикой. Оба эти элемента уходили корнями в 1939 год, в секретные протоколы»[5].

Тут же он описывает борьбу вокруг принятия специального постановления. Члены Политбюро, за исключением Э. Шеварднадзе, были против создания съездовской комиссии по выяснению судеб секретных протоколов, затем группа членов комиссии выступила на пресс-конференции против текста проекта выступления А. Н. Яковлева на съезде. Только ультимативное заявление последнего с угрозой своей отставки с поста председателя комиссии заставила М.С. Горбачева согласиться на выступление Яковлева на съезде. Наконец, само выступление на съезде 23 декабря большинством было отвергнуто, а докладчик подвергнут острой критике. Формальным поводом этому самому большинству послужило отсутствие подлинников секретных протоколов. «Лишь на следующий день, - пишет Безыменский, - А. Н. Яковлев смог переубедить делегатов, предъявив им обнаруженный комиссией документ» [5].

Что это за документ? Это не был *подлинник* протокола, это была всего лишь опись взятых на хранение *копий* секретных протоколов, удостоверенная мидовским сотрудником. Мне лично трудно поверить, что даже предъявленные оригиналы секретных протоколов могли изменить настроение тех депутатов, которые в принципе считали советско-германский договор 1939 г. правильным дипломатическим шагом, вынужденным в обстановке кануна войны. Известно, например, что японское руководство оказалось буквально в шоке, когда узнало об этом договоре. Правительство Японии немедленно в полном составе ушло в отставку. Если этот договор действительно вывел Японию из войны против СССР, то уже одно это делает его политически целесообразным и исторически оправданным на 100%. И все же большинство делегатов съезда со второго раза проголосовало «за». Как это могло случиться? Точно не знаю, но рискну предположить, что имело место личное давление Горбачева. Не секрет, что многие делегации союзных республик и областей, особенно азиатских, дисциплинировано голосовали на съезде по команде своих первых секретарей, а те в свою очередь получали указания от генсека и руководителя президиума съезда М.С. Горбачева.

«Нам важен результат, - подводит итог этой истории Л. Безыменский, - как бы то ни было, какими извилистыми путями ни шла история (в данном случае — история секретных протоколов), восторжествовал принцип правды, принцип

невозможности ее сокрытия. Теперь предвоенный период можно — и должно — анализировать без стыдливых оборотов, без идеологических предрассудков» [5].

Замечательный пассаж! Для того, чтобы историк Безыменский получил возможность беспрепятственно работать, освещать ход предвоенных событий правдиво и без умолчаний, нужно было развалить Советское государство. Эта позиция напоминает мне древнеримскую поговорку: *Pereat mundus, fiat justitia*. — Пусть погибнет мир, но да свершится правосудие. Эта поговорка некоторыми воспринимается как требование правового государства, а по-моему мнению, в ней как нельзя лучше выражен юридический кретинизм.

Лев Безыменский называет поведение Горбачева в вопросе о секретных протоколах «щекотливым» и недоумевает, почему он вел себя так «некрасиво»: по крайней мере с 1987 г. знал, но скрывал правду о наличии оригиналов этих документов, обличающих сговор Сталина с Гитлером. Между тем ответ лежит на поверхности. Горбачев был, хоть и неважным, но политиком и отдавал себе отчет в том, что обнародование оригиналов секретных протоколов может взорвать ту политическую ситуацию, в которой оказалась страна.

Значительно интереснее вопрос, которым не задается (и напрасно) Безыменский. Это — вопрос о поведении председателя комиссии, первого «прораба» и идеолога перестройки, можно сказать, наперсника Горбачева А.Н. Яковлева и члена комиссии, авторитетного общественного деятеля, сопредседателя Межрегиональной группы, куда входили в основном радикально настроенные московские и ленинградские интеллигенты, Ю.Н. Афанасьева.

Внутри комиссии Яковлев, будучи в меньшинстве, блокировался с представителями прибалтийских республик и Афанасьевым. Последний, словно ребенок, откопавший в земле неразорвавшуюся с войны ржавую гранату, безответственно с политической точки зрения, играл в «историческую правду». Один из создателей «Мемориала», историк по профессии, но не специалист по теме Ю.Н. Афанасьев придерживался убеждения, что «правда истории» сама по себе оказывает благотворное влияние на политику. Других членов комиссии интересовала не «правда истории», а что и кому политически выгодно считать «правдой истории». Борьба внутри комиссии, а затем и на съезде разгорелась нешуточная.

Чем руководствовался Яковлев? Возможно, он наивно полагал, что уход прибалтийских республик из Союза облегчит последнему выход из системного кризиса. Но дело в том, что политику, в отличие от интеллигента, наивность не прощается, а вменяется в вину. Поэтому либо прибалты переиграли или как-то иначе «убедили» Яковлева поддержать их во время его нашумевшего визита в Литву и Латвию в начале августа 1988 года^[1], либо он руководился логикой

борьбы между консерваторами и либералами и слишком «увлекся». В любом случае он ушел из жизни с тяжкими обвинениями в развале Союза и неразвезанными подозрениями в государственной измене. Со времен «перестройки» и до самой смерти Яковлева не было в российской политике человека, который чаще него употреблял слово «мораль» применительно к политике и истории. Какой печальный конец! Какая ирония истории!

По словам Безыменского, Яковлев действовал напористо, чуть ли не шантажировал и в конце концов давил Горбачева. Совсем другую картину рисует Ю.Н. Афанасьев. Он утверждает, что ему приходилось «доказывать само наличие секретных протоколов к пакту Молотова – Риббентропа. Причем доказывать В. Фалину, А. Яковлеву, М. Горбачеву – людям, которые знали не только о существовании этих документов, но и о том, где они хранились» [3].

Несколько другое видение ситуации представил еще один активный участник тех событий, долгие годы бывший послом в ФРГ, большой знаток дипломатической истории и предыстории Второй мировой войны, доктор исторических наук, секретарь ЦК КПСС Валентин Фалин. В съездовской комиссии он был заместителем председателя. Он вспоминает, что Яковлев взялся убедить Горбачева в необходимости официально признать наличие оригиналов официальных протоколов, то есть ответственность СССР за развязывание Второй мировой войны. Но Горбачев с ним не согласился. «Не знаю поныне, какие аргументы и контраргументы приводил в разговоре с Горбачевым Яковлев, - пишет Фалин, - Расстроенный неудачей, он подробностей объяснения с генсеком мне не поведал. Заметил лишь, что генеральный «уперся»» [6]. Со слов Фалина получается так: Яковлев попытался надавить на Горбачева, получил отпор и в дальнейшем уже не настаивал. Какой уж там «шантаж».

Вот это скорее похоже на правду. Бывший работник ЦК КПСС Валерий Легостаев имел возможность вблизи наблюдать и изучать Яковлева. В его описании «всесоюзный моралист и горлан демократии» предстает осторожным и умным аппаратчиком [7]. Это и понятно: дойти до самого верха партии-государства, до Политбюро, и при этом не овладеть умением искусно лавировать, «поступаться принципами» ради карьеры просто невозможно. Красноречивая деталь: любимое словечко Яковлева - "дирижировал". Он очень любил «дирижировать» политическим оркестром. К слову, «дирижером» науки и научных кадров, раскручивавших антисталинскую тему, был именно А. Яковлев. Он охотно позиционировал свою принадлежность к миру науки, имея степень доктора наук, звание профессора и, наконец, академика, являясь автором целого ряда книг. Политическое целевое назначение его книг и статей настолько очевидно, что об объективности не может быть и речи. По этой причине его работы нельзя назвать научными исследованиями, это скорее идеологический продукт, развернутое, системное обвинение большевизма, коммунизма,

сталинизма с точки зрения либерализма и «общечеловеческой» морали. Безусловно, Яковлев был «книжным человеком», автором, но не «человеком науки». Политический темперамент захлестывал, перекрывал в нем исследовательскую струнку. Таким же *историком от политики* был, к примеру, Д. А. Волкогонов [8].

Поведение Горбачева Фалин характеризует как типично макиавеллистское. Генсек знал о наличии оригиналов секретных протоколов с 1987 года, но скрывал это. В его власти было предотвратить негативный исход первого голосования депутатов, закончившегося отклонением выводов комиссии. Он этого не сделал. Более того он оказывал давление на работу комиссии через Яковлева и Фалина, имея намерение свести ее работу на нет – «изыскать «соломоново решение», как изящно выразился сам генсек. Так вот, Валентин Михайлович отчетливо видел, выражаясь его же словами, «политический театр Горбачева», а вот «политический театр Яковлева» укрылся от его глаз, настолько тот был искусен и скрытен.

«Мне довелось изрядно попотеть в этой группе, прежде чем возник проект, устроивший почти всю комиссию, - излагает В.М. Фалин интересующую нас историю. - Даже Ландсбергис, ультранационалистически заряженный литовский делегат, поворчав, принял его. Юрий Афанасьев, выполнявший тогда роль рупора межрегиональной депутатской группы, которая штурмовала съездовские микрофоны, дабы зарекомендовать себя в качестве противовеса команде Горбачева, отозвал свои запросы. Согласие закрепили визами членов комиссии, за исключением украинского представителя. Осторожный Яковлев был в принципе «за». Но настаивал на консультации – «вы понимаете с кем». Без одобрения Горбачева проект не могли вносить на рассмотрение съезда» [6].

Обратите внимание: прибалтийские националисты и демократ Афанасьев шли в одной упряжке, Яковлев, внутренне солидарный с ними, ориентируясь на волю Хозяина, дистанцировался от них, украинец (В. Шинкарук) вообще уклонился от позиции. Зато она была у Фалина, причем настолько взвешенная и компромиссная, что устроила всех. В чем она состояла? В том, чтобы признать наличие дополнительного секретного протокола к пакту Молотова-Риббентропа и предать его гласности, но «не вешать всех собак» на Советский Союз, как того добивались прибалты и Афанасьев. А они давили яростно. «За СССР отрицалось право на защиту своих интересов. Изгою не позволялось претендовать на равные с другими членами международного сообщества нормы. Кругом он был виноват, даже когда был прав», - в таких словах передает Фалин тон их речей [6].

По линии КГБ к работе комиссии был привлечен начальник секретариата КГБ СССР В.А. Сидак. Уйдя в отставку, он рассказал много интересного и, самое главное, поведал о том, какими методами Яковлев склонял нардепов к однозначному осуждению советско-германского договора о

ненападении как еще одного преступного деяния Сталина. Так, он утверждал, что «графологическая, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его существования и подписания». «Ничего они не подтверждают! – комментирует В. Сидак слова А. Яковлева. – Любой грамотный юрист, любой эксперт-криминалист тотчас предметно и убедительно докажет, что достоверность документа по копии (тем более по фотокопии!) установить нельзя. Подобные виды экспертных исследований проводятся исключительно по оригиналам документов» [9].

Далее, на депутатов произвел впечатление показ Яковлевым разграничительной карты с автографами Сталина и Риббентропа. В. Сидак вносит ясность: «Эта карта никогда и никакого секрета не составляла, она была не приложением к "пакту Молотова - Риббентропа" от 23 августа 1939 года, а являлась составной и неотъемлемой частью другого внешнеполитического документа - Договора о дружбе и границе между Германией и СССР от 28 сентября 1939 года, подписанного уже после падения Польши» [9].

Этот трюк с картой мне напомнил нашумевший доклад госсекретаря США, четырехзвездочного генерала Колина Пауэлла на заседании Совета Безопасности ООН 5 февраля 2003 года. Он был нацелен на то, чтобы доказать всему миру наличие у Ирака оружия массового уничтожения и связей с «Аль-Каидой». Свою речь Пауэлл сопровождал демонстрацией видео- и аудиозаписей, фотодокументов и схем, добытых ЦРУ, в доказательство якобы тайно работающих в Багдаде передвижных (мобильных) лабораториях, занимающихся программами по созданию биологического и химического оружия. На заседании Совбеза и после на пресс-конференции, которую увидел весь мир, Пауэлл для вящей убедительности показал пробирку с небольшим количеством белого порошка и заявил, что этого хватит, чтобы отравить миллионный город. Некоторые были шокированы. После вторжения сил англо-американской коалиции в Ирак, никаких следов тайных военных ядерной, химической и биологической программ найдено не было. Как выяснилось, абсолютное большинство из сведений ЦРУ оказалось фальшивым. «Это пятно на моей репутации, - признал впоследствии Пауэлл в интервью телекомпании ABC News. - Я был тем человеком, кто выдвинул эти обвинения Ираку от лица Соединённых Штатов, и это навсегда останется в моей биографии. Это очень больно» [10].

Судите сами, у кого оказалось больше мужества, чести и достоинства – у американского политика или у Яковлева*. Предвзятость доминировавших в яковлевской комиссии лиц, их манера работать с документами привели В.А. Сидака к выводу, что комиссия в этом составе была не способна принимать объективные решения. И еще: «Кропотливый анализ материалов, которые были мне доступны для исследования, дает основание сомневаться в подлинности, аутентичности секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между Германией и СССР, других секретных советско-германских документов, обнаруженных в архиве ЦК КПСС и официально опубликованных в 1993 году в журнале «Новая и новейшая история» [9]. Вот так.

От себя добавим, что поведение интеллигентствующего политика А. Яковлева и политиканствующего интеллигента Ю. Афанасьева имеет четкое обозначение. Это – макиавеллизм. С точки зрения чистой теории, это – «неправильное» поведение, поскольку интеллигентский дискурс в политике относится к кантианскому типу. Но жизнь всегда сложнее и гибче теории. Социальные роли как маски. Их можно менять. И вот уже ученый становится политиком, а политик прибегает к ученым аргументам, чтобы манипулировать общественным сознанием в нужном для него направлении. И здесь нам не нужно вникать в их первоначальную мотивацию, ведь цель и средства взаимоувязаны. Как гласит русская народная мудрость, коготок увяз – всей птичке пропасть.

3. Три морали – три рода оценок

На основании вышеизложенного зафиксируем ролевые персонажи, которые участвовали в „деле” о «Секретном дополнительном протоколе о разграничении сфер обоюдных интересов между Германией и СССР». *Политик* – М. Горбачев; *политик и идеолог* – А. Яковлев; *политиканствующий интеллигент* – Ю. Афанасьев, *ученый эксперт* – В. Фалин, *писатель, публицист*, стремящийся придерживаться строгой канвы исторических фактов, - Л. Безыменский. Во всяком случае у последнего не меньше права называться историком, чем у Э. Радзинского. Если пренебречь нюансами и частностями, то речь идет о трех возможных оценках немецко-советского договора 1939 года: *политической* (с позиции целесообразности), *интеллигентской* (с позиции морали) и *научной* (со всех сторон). Политик, в отличие от моралиста и ученого, не имеет право на прекраснодушие и бесстрастную объективность, а должен думать о балансе интересов, плюсах и минусах своих решений и т.п. Ученый, в отличие от политика и интеллигента, не может стоять на партийной точке зрения, ибо тогда он лишится объективности – единственного несомненного принципа научности. Интеллигент, в отличие от политика и ученого, озабочен исключительно нравственным выбором.

Итак, мы имеем три угла зрения и три несовместимые оценки одного и того же события. Точек зрения может быть и больше трех. Например, в одном американском фильме авторы доказывали, что немецкие инженеры и конструкторы не проиграли Вторую мировую войну. Их разработки танков и самолетов были лучше тех, что производились союзниками по антигитлеровской коалиции. Это, так сказать, технологическая точка зрения на войну. Она полезна и имеет смысл в плане всестороннего анализа самого грандиозного и трагического события XX века. И все-таки первые три точки зрения представляют собой три принципиально разные подхода к оценке *одного и того же* факта, три позиции, выработанные в качественно разных системах оценочных суждений (моралей). Их правомерность объективно приводит к сшибке носителей этих моралей.

В занимательной книге «Шесть шляп мышления» ее автор Э. Боно описал шесть складов мышления, каждому из которых он присвоил шляпу определенного цвета. Нас интересуют шляпы белого, красного и черного цветов. Белый цвет означает нейтральность, красный – эмоциональность, черный – негативность, критичное мышление. Меняя шляпу, вы выменяете взгляд на вещи и факты, социальную и профессиональную роль.

Человек, надевший белую шляпу, стремится к объективности. Он четко различает факты и их интерпретацию, работает с фактами бесстрастно, как компьютер. «Мышление в белой шляпе, - разъясняет Боно, - подразумевает дисциплину и руководство. Человек стремится быть нейтральным в предоставлении информации» [12, с.196]. Таким образом, мышление в белой шляпе наиболее соответствует научному стилю мышлению.

Очень часто белая шляпа маскирует истинные намерения ее обладателя. Боно делает следующие наблюдения: «Факты чаще приводятся с какой-то целью, чем сообщаются, как есть. Факты и цифры, приведенные в рамках аргументации, никогда не могут рассматриваться объективно» [12, с.36]. Не могут, замечу я, но рассматриваются. Когда человек сыпет цифрами, то создается впечатление, что он досконально изучил и «знает» проблему. Это вызывает доверие, убеждает. На этот эффект часто рассчитывают публичные политики, и, значит, у них это прием работы с «массами».

Другой по складу мышления человек, натянувший на свою голову красную шляпу. «Красная шляпа, - отмечает Боно, - легимизирует эмоции и чувства как важную часть мышления» [12, с.197]. Действительно, исходным мотивом этого склада мышления, толчком к нему часто служит эмоциональное раздражение – возмущение, негодование, страх, удивление, недоверие, восхищение, злость, ненависть, любовь. Оно и направлено на передачу этих чувств. «Красное мышление» – это язык эмоций, моральных оценок и художественных образов.

«Мышление в черной шляпе всегда логично, - отмечает его специфику Боно. – Оно отрицательно, но не эмоционально. <...> Мышление в черной шляпе

открывает темную (черную) сторону вещей, но это всегда *логическая* чернота» [12, с.80-81]. Критическое мышление весьма полезно аналитику, научному работнику, специалисту. Но тут есть одна опасность: мышление из-под черной шляпы чрезвычайно соблазнительно, затягивает и в конце концов сбивает с толку самого мыслителя. У него в мозгу имеется определенная рамка суждений, это его «правда». Все остальные суждения, не вписывающиеся в эту рамку, опознаются как «неправдивые» и подвергаются логической разборке.

Дополнительную убедительность критике придает красная шляпа, позволяющая «черношляпнику» выстраивать выразительный эмоциональный образ. Вот почему люди, одинаково комфортно себя чувствующие в красной и черной шляпе мышления, могут быть прекрасными публицистами, идеологами, священниками, политиками, лекторами, учителями и другими представителями интеллектуальных профессий, но не юристами (за исключением адвокатов) и учеными. Вообще люди с такими склонностями представляют социальный тип интеллигенции.

Благородный разоблачитель, давящий на эмоции цифрами и фактами – это человек, водрузивший на свою голову три шляпы сразу – сначала черную, затем красную и сверху белую. Именно в такой роли, по-видимому, выступал со съездовской трибуны в декабре 1989г. А.Н. Яковлев. К сожалению, и академик А.О. Чубарьян в упомянутой мной телепередаче предстал, по крайней мере, в двух шляпах одновременно – белой и красной, смешав научную и интеллигентскую оценки. Нельзя смешивать – это правило верно не только для любителей хорошо выпить. Думаю, академик поддался морально-политической атмосфере, созданной в то время под руководством «дирижера» Яковлева.

Подведем черту. Из трех обозначенных подходов к оценке советско-германского договора о ненападении наименее продуктивным выявляется интеллигентский, грешащий морализаторством, обвинительным уклоном и абстрактностью, подход. А между тем его носители наиболее скомпрометировали себя в *политическом* отношении. Что касается сугубо политической оценки, то и она неоднозначна. И сейчас, спустя почти семь десятилетий, специалисты спорят о том, был ли он вреден или полезен для СССР и всего мира, оттянул войну или ее приблизил. Но это спор о политике в плоскости науки.

Как же велика была степень неопределенности для участников тех событий, на которых лежала страшная ответственность принятия роковых решений! Коллективный научный анализ показывает, что мир к 1939 году оказался в патовой ситуации. Чтобы предотвратить окончательное сползание в мировую войну, нужны были смелые решения и непредвзятость, к которым совершенно не были готовы ведущие политические игроки, настроенные на волну противоборства вчерашнего дня. Таким образом, 1939-й год затянул веревку на шее человечества. Причем затягивали эту веревку не только руки Гитлера и

Сталина. Англичане, американцы и французы внесли свою «посильную» лепту [13]. Были там руки и тех, кого принято считать жертвами. Например, поляки умудрились и шею намылить, и голову в петлю вставить, и еще ручонками за веревку потянуть. Впрочем, это другой сюжет.

Литература

1. См. *Гребенник Г.П.* Типи homo politicus і інтелігентська свідомість // Інтелігенція і влада: наук. зб.; серія: політологія. – Вип. 2. – Одеса: Астропринт, 2004. – С. 42-49; *его же.* Типы и стили политического мышления // Перспективи: наук. ж-л /Південноукраїнський державний педагогічний ун-т ім. К.Д. Ушинського; Одеський національний політехнічний ун-т – Одеса, 2004. - № 1 (25). – С. 26-30; *его же.* Маківеллізм і цинізм // Держава і право: зб. наук. праць. Юридичні і політичні науки. – Вип. 23. – К.: Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2004. – С. 111-114; *его же.* Власть и общество в контексте макиавеллистского дискурса // Вісник Одеського національного університету. – Т. 9. – Вип. 9: Соціологія і політичні науки. – Одеса, 2004. – С.135-153, и др.
2. См. *Гребенник Г.П.* Два жанра одной темы (Критический анализ литературы по проблеме связи политики с моралью) // Держава і право: зб. наук. праць. Юридичні і політичні науки. – Вип. 30. – К.: Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2005. - С. 710-717.
3. *Афанасьев Ю.* Другая война: история и память// http://www.yuri-afanasiev.ru/articles/art_1996_59.htm.
4. *Наджафов Д.Г.* Советско-германский пакт 1939 года: переосмысление подходов к его оценке // <http://rus-lib.ru/book/35/36/36-4/154-165.html>.
5. *Безыменский Л.А.* Предисловие историка. – В кн.: Гитлер и Сталин перед схваткой.- М.: Вече, 2000. — 512 с.// <http://militera.lib.ru/research/bezymensky3/pre1.html>.
6. *Фалин В.* Сумерки богов по-русски // <http://sovsekretno.ru/1999/01/5.html>.
7. *Легостаев В.* Теневик демократии // http://www.pseudology.org/democracy/Tenevik_democracy.htm.
8. См. *Гребенник Г.П.* Февральско-октябрьский” алгоритм Российского государства. (Размышления над книгами А. Н. Яковлева и Д. А. Волкогонова) // Юридический вестник: научно-публицистический ж-л Одесской национальной юридической академии. – 1999. - № 4. – С. 109-114.
9. *Сидак В.А.* Фальшифка со стажем // <http://antisys.narod.ru/sidak.html>.
10. <http://www.iranatom.ru/news/aeoi/year05/september/colin.htm>.
11. *Кара-Мурза С., Пыхалов И.* Открытое письмо Президенту Российской Академии наук Ю.С.Осипову // http://www.livejournal.com/users/another_kashin/370885.html.

12. *Боно Э. Шесть шляп мышления / Пер. с англ. – Мн.: Попурри, 2006. – 208с.*

13. См. *Фалин В. WWII: Война против СССР (фрагмент)*

//United Press International, США, 14 апреля 2005

// <http://antisys.narod.ru/falin.html>.

Опубликовано в: Науковий вісник: фах. зб. наукових праць Одеського національного економічного університету. - 2006. - № 11 (31). – С. 88-102.

---

* Именно после вояжа Яковлева в Прибалтику там был зафиксирован всплеск национализма и сепаратизма. Известная активистка "Саюдиса" К. Прунскене позже признавалась: "Очень много делал для нас Яковлев. Он заверил нас, что высшие руководители в Москве понимают нас" [11].

* Здесь уместно вспомнить об открытом письме С. Кара-Мурзы и И. Пыхалову Президенту Российской Академии наук Ю. Осипову. В нем они доказательно утверждали, что академик А.Н. Яковлев в своих выступлениях и книгах приводит искаженные цифры и заведомо ложные факты, которые он подавал как общепринятые в науке и абсолютно достоверные [11].